

Все морские черви, которых выкопал Чжун Мин, в конце концов достались Су И.

— Малой боится, да и у второй тётки дома девки с герами наверняка перепугаются, — лениво сказал он. — Так что я и не буду тащить их назад. Всё равно их всего-то ничего.

Су И пересчитал: всего семь штук. Морские черви длинные, нескольких хватит на целый цзинь.

— Когда продам, деньги за них с тобой поделим.

Чжун Мин хотел было отказаться, но слова застряли в горле.

— Ладно, — сказал он.

Су И, увидев, что тот согласился, будто бы немного обрадовался. Затем услышал, как Чжун Мин спрашивает:

— Ты в какие часы обычно в уезд ездешь? А то я вроде ни разу тебя не встречал.

— Чаще всего после полудня. Утром я либо на лодке работаю, либо хожу ловить креветок — делать креветочную пасту. Но я и не каждый день туда хожу, — спокойно ответил Су И.

Чжун Мин при этом припомнил, будто бы вторая тётка как-то обмолвилась, что Су И умеет делать креветочную пасту, и вкус у неё отличный — скорее всего, по рецепту семьи Лу. Однако он сразу же усомнился: зная нрав Лю Ланьцао, если бы действительно был у неё такой прибыльный рецепт, разве отдала бы она его Су И? Скорее уж припрятала бы да берегла, как зеницу ока, лишь бы тот не выведal.

И правда, при расспросах Су И ответил:

— Это я сам придумал. Тётка хотела, чтобы я научил Лу Юя, да он воротил нос, дескать, паста воняет, учиться не стал. Ну и всё, больше об этом не вспоминали.

Чжун Мин усмехнулся:

— Да скорее всего твоя тётка сама поняла, что всё равно ведь деньги, что ты на пасте выручаешь, ей в карман идут. Так зачем ей родного сына напрягать?

Су И не стал отрицать:

— Если есть отец с матерью, то, конечно, они будут больше любить родного ребёнка.

Он давно уже уяснил для себя эту простую и жестокую истину: раз нет отца — значит, и дома по сути тоже нет.

Продолжать разговор в этом ключе значило бы лишь беречь душу. Чжун Мин заметил, что день клонится к вечеру, а отлив долго не продержится — пора было возвращаться.

— В следующий раз, если будет возможность, и мы твоей креветочной пасты попробуем, — сказал он с улыбкой, позвал младшего брата, и они вместе пошли обратно. Оглянувшись, Чжун Мин увидел, что Су И всё ещё стоит на месте и машет им рукой.

Чжун Мин крикнул брату, тот обернулся, встал рядом с ним и тоже помахал в ответ. Даже с такого расстояния Чжун Мину показалось, будто Су И улыбается.

Он был слишком худым, видно, жизнь у него была нелегкая, но в его лице не было и тени озлобленности. А когда он улыбался, черты его лица становились мягкими и чистыми. Казалось, стоит ему немного поправиться, да надеть чистую, светлую одежду, и выйдет из него самый что ни на есть статный молодой человек.

Они уже отошли довольно далеко, когда Чжун Мин вдруг поймал себя на мысли, что всё ещё думает о Су И.

И именно в этот момент Чжун Хань внезапно сказал:

— Брат, а когда мы снова пойдём играть с братом Су И?

Чжун Мин слегка провёл пальцем по его носу и с улыбкой спросил:

— А тебе нравится брат Су И?

Чжун Хань с жаром кивнул:

— Нравится.

...

Когда Су И вернулся на лодку семьи Лу, небо уже заволочло вечерними сумерками. Лю Ланьцао и Лу Юй, вернувшиеся с берега раньше, давно сидели на палубе и, завидев его, тут же зашипели как кипящий чайник.

— Что это ты так поздно вернулся? Где шляется? Какой порядочный гер в такой час ещё по улицам бродит? Не боишься, что о тебе будут языками чесать? У тебя, может, и репутации нет,

а у нашей семьи она есть! — съязвила Лю Ланьцао, фыркнула и продолжила: — Расправил, значит, крылышки... Всего лишь помог опознать одного вора, а уже важничает, будто сам чиновник. Ещё чуть-чуть — и возомнит себя кем-то.

Тётка, как всегда, сыпала колкостями и уколами — Су И сам удивлялся, откуда в ней берётся столько злобы и яда.

Он молча поставил ведро на дощатый пол палубы — раздался тяжёлый глухой звук.

— На берегу людей было слишком много, толком ничего не найти, — сказал он, — вот и пришлось уйти подальше.

Лу Юй подошёл посмотреть, что он принёс, и с изумлением обнаружил, что ведро почти полное: семь-восемь крупных белых раковин, пара зелёных крабов, морские улитки-пупки и моллюски, два немаленьких гребешка, в промежутках раковины и пучок морской капусты.

И вправду, добычи у него было не меньше, чем у Лу Юя с матерью вместе взятых. Но тот всё равно фыркнул:

— Всё это гроша ломаного не стоит.

Су И прекрасно знал, чего стоит подобная бравада, потому и не спорил. Оставив ведро, он молча направился к корме. Лю Ланьцао с детьми уже поужинали. На очаге осталась лишь стопка грязной посуды, в котелке плескалась жалкая похлёбка — немного рисовой лапши на дне, жидкий бульон, да ещё половина обглоданной рыбы, судя по всему, недоеденной Лу Юем или Лу Фэном.

Очаг ещё хранил слабое тепло. Су И вылил остатки в чашку и съел всё до последней капли. Рыбу трогать не стал, просто выкинул за борт.

На самом деле, вернулся он позже обычного потому, что на берегу, за камнями, сам запёк двух здоровенных крабов. Когда разломил панцирь, внутри всё было в икре — он наелся до отвала. Раньше он бы на такое не осмелился, но с тех пор, как в его жизни появился Чжун Мин, он будто стал смелее. Вновь и вновь повторял себе: «Я никому ничего не должен, с чего бы мне плохо к себе относиться?» И чем чаще он это говорил, тем больше появлялось решимости — и в тот момент он, ни секунды не колеблясь, съел самых жирных, самых дорогих крабов сам.

Когда мыл посуду, под покровом ночи, он украдкой проглотил пилюлю, которую дал ему Чжун Мин, надеясь, что к утру простуда пройдёт. Раньше он не видел особого смысла в очередном дне — новый день означал лишь новую усталость. Но теперь он думал: может быть, завтра он снова увидит Чжун Мина, младшего брата Ханя и маленького кота Додо.

Долгое время сдерживаемое сердце, словно небо после затяжной грозы, наконец-то позволило

солнечному лучу проникнуть сквозь рассеявшиеся тучи.

Позже, когда Су И постирал последние две вещи — пару рубашек и простыню — и повесил их на верёвку, натянутую над палубой, он зачерпнул воды и умылся. Уже собираясь войти в каюту и лечь спать, он неожиданно уловил тихий разговор — Лу Юй, похоже, вполголоса перешёптывался с Лю Ланьцао. Су И замер, не открывая дверь. К его удивлению, в разговоре прозвучало имя Чжун Мина.

— Мам, мне правда нравится Чжун Мин! — с жаром сказал Лу Юй.

— Нравится-не нравится, что толку-то! — огрызнулась Лю Ланьцао. — Ты будто первый день в Байшуйао родился и не знаешь, что он за человек? К таким в семью — только впроголодь жить! Прежде чем родишь своего ребёнка, будешь малолетнего деверя воспитывать, с голодухи северный ветер пить! Ещё чего! Да если б твоя тётка не обмолвилась, я бы и не узнала, что у тебя в башке за мысли!

Лу Юй в сердцах проклинал Лю Шуньшуйао — болтливый как баба, теперь вот матери всё донёс.

— Но ведь у Чжун Мина отличная хватка, он много зарабатывает, и говорят, будто он исправился...

— Исправился? — перебила мать. — Тьфу ты, тоже мне сказки! Такими речами только наивных малолеток, вроде тебя, и дурачат. Скажу прямо: собака не перестанет есть дерьмо. Вон в деревне сколько порядочных парней — нет же, тебе подавай этого. И не ври мне, будто ты не на его мордашку позарился...

Похоже, Лю Ланьцао попала в самую точку, и Лу Юй на мгновение притих. Мать вдогонку добавила ещё с десяток колких слов.

— Ты ведь не такой, как Су И, которому уже некуда деваться, — снова заговорила Лю Ланьцао, ее голос стал ещё резче. — Зачем же так себя унижать? Вон, чтобы твоего старшего брата в дом ввести, семья Цзян новую лодку купила. А ты? Ты, выходит, сам себя навязываешь нищему прощельге. Уж поверь мне, если слухи пойдут, твой брат в доме Цзян головы поднять не сможет!

После этих слов Лу Юй окончательно умолк. Через несколько мгновений изнутри послышались приглушённые всхлипы — Су И понял, что того всё-таки довели до слёз. Это и правда было редкостью: Лю Ланьцао нечасто ругалась впрямую, а уж чтобы в такой манере — почти никогда. Вот и не удивительно, что Су И невольно подслушал каждое слово. Больше всего его удивила не ругань, а то, что Лу Юй, оказывается, запал на Чжун Мина. Хотя, если подумать, чему тут удивляться? Такой высокий, крепкий, да ещё и красивый мужчина — кто на него не засмотрится? Не Лу Юй, так кто-нибудь из других пригожих и проворных гермов или девиц.

Он невольно представил, как Чжун Мин женится, и мысли его сплелись в тугой клубок,

распутать который не представлялось возможным. Су И остался снаружи, дожидаясь, пока Лу Юй наплачется вволю, а потом, не сказав ни слова, прошёл внутрь, свернулся клубком в своём углу и лёг спать.

Горьковатый привкус пилюли всё ещё не рассеялся во рту, но Су И жалел тратить сладости и, так и не съев ни кусочка, с этой горечью и заснул. Впрочем, раз лекарство было от Чжун Мина, то и горечь казалась ему сладкой.

На следующее утро несколько лодок семьи Чжун ещё в предрассветных сумерках снялись с якоря и отправились в море, чтобы на большой прилив ставить сваи и закидывать сети на медуз. С прибавлением ещё одной лодки появилось и два дополнительных кола, и мужчины на борту все вымотались до изнеможения.

К счастью, медуза шла густо — стоило забросить сеть, и уже богатый улов. Самая крупная медуза, которую удалось вытащить, была размером с крышку от повозки, и даже привлекла внимание лодок поблизости.

— Эта, должно быть, весит с добрых несколько сотен цзиней!

— Да уж! Несколько лет таких великанов не видел — вот это, по-настоящему, удача!

Как земледельцы живут по сезону, так и люди воды — каждый год есть своя рыба и свой улов, но сколько именно попадётся — неизвестно.

Огромную медузу пришлось разделить на четыре-пять частей прежде, чем вытащить на борт. Когда её перебирали в трюме, понадобилось трое-четверо сразу. Голова от тела — отдельно, коснёшься — будто держишь горсть воды, из обеих рук течёт, не удержишь.

Когда все лодки с медузами вернулись, было уже около полудня. Чжун Мин вёз с собой ещё один сетчатый мешок, наполненный десятками абалонов. Из-за обилия медуз сегодня он не рискнул глубоко нырять и только обошёл ближайšie рифы — один из них оказался весь усыпан абалонами, и он вдоволь собрал их, как раз чтобы было чем отчитаться перед боссом Минем.

Ему не удалось наткнуться на достаточно крупную рыбу, с которой можно было бы снять сухожилие, и тогда он пошёл расспросить шестого дядю-гуна. Тот прямо сказал:

— Как же ты забыл про осетра? Встретишь крупного — бывает и в несколько чи длиной, тебе хватит с головой.

Подсказка шестого дяди словно осветила всё в голове Чжун Мина.

— И правда, совсем вылетело из головы.

В море рыбы великое множество — иной раз и вытащишь что-то, а как называется, не знаешь, приходится звать на помощь старых моряков вроде шестого дяди-гуна. Раз давно не попадалась, то и вспомнить трудно.

Сухожилия осетра — настоящий деликатес, в своё время служили подношением в уезде Цзююэ, входили в императорскую кухню. Местные же между собой называют осетра «морским драконом», а его сухожилие — «драконьим». Уже по одному только названию ясно, что оно ничем не уступает акульему.

Правда, такие рыбы водятся чаще на стыке солёной и пресной воды, в мелких местах их не сыщешь. Хочешь поймать — надо специально выбирать день и плыть к устью реки. Так что в ближайшие дни о рыбьем гарпуне придётся забыть, Чжун Мин решил пока отложить эту мысль. Раз уж делать надолго, то и спешить не стоит.

Обдирать медуз, носить их туда-сюда — то в бамбуковый навес, то в чан с галуном, то в железный котёл — нелегкий труд, он весь облился потом, в итоге, как и многие другие мужчины, скинул рубаху и накинул себе на шею только полотенце.

У людей воды не было столько условностей, как у сухопутных: мужчины нередко ходили с голым торсом, а у геров и девушек вовсе не считалось зазорным оголить плечо или голень, промочить одежду — обычное дело, ничего предосудительного. Каждый раз, как Чжун Мин напрягался, его мышцы наливались силой, рельеф на животе становился особенно чётким — неизвестно, сколько жадных глаз при этом за ним следило. На уме у него было только одно — поскорее закончить дело и отнести абалонов на рынок, потому он двигался живо, не теряя ни секунды, что привлекло внимание одной женщины, что стояла рядом и невольно обратилась к Чжун Чунься:

— Гляжу я на вашего А-Мина: стоит ему хоть чуть-чуть приложить силы и взяться за дело, он как за двоих работает. А уж телосложение! Прямо видно — не пропадёт, дом на таких держится.

Чжун Чунься знала, что у этой женщины есть сын-гер подходящего возраста, и подумала, что та явно говорит не просто так, — и действительно не ошиблась. Женщина подозвала паренька, что чистил медуз на другом конце лодки:

— Это мой сын Линь-гер. Линь-гер, иди, поздоровайся с тётей Чунься.

Паренёк вежливо поздоровался, Чжун Чунься пригляделась, похвалила его с улыбкой. Когда он ушёл, она тихо сказала женщине:

— Парень хороший, ты верно смекаешь, но ты и сама знаешь, какой у меня племянник с характером, я за него решений не принимаю. Сначала спрошу, а там уж скажу тебе, что он думает.

В то же самое время Чжун Мин высыпал в чан медузью кожу — всё загремело, зашуршало, и тут к нему подошёл Лю Шуньшуй.

Поздоровавшись, Лю Шуньшуй снова пригласил его в гости на чашку вина.

— Давно уж мы не собирались. Я ещё позвал Шоуцяя и Хуцзы, вы трое всё ж родня, приходите вечером все вместе.

<http://bllate.org/book/13583/1204999>